

Владимир Куковякин

- Да, это так! Это действительно так! Боже, какие силы во мне! Какой душевный подъем! Свобода. Идет свобода.

Так размышил, сидя на лампе внутри телевизора, молодой таракан по имени Однокрылый. Когда-то давным-давно, когда он был еще совсем юным тараканчиком, хозяин квартиры запустил в него тапочкой. Таракану повезло - тапочка лишь задела его - но с одним крылом пришлось, увы, расстаться. Раненый, приполз он домой и три дня отлеживался. Короче говоря, с тех пор и повелось за ним это прозвище - Однокрылый.

Родился Однокрылый здесь же, в телевизоре, здесь же рос и здесь впервые услышал это замечательное, сладкое на вкус слово - свобода. Быть может, оно и не произвело бы на него никакого впечатления, но услышал он это слово в болезненном состоянии, как раз после истории с тапочкой. Переключилось что-то в его голове или нет, но с тех пор таракан невероятно изменился. Стал задумчив, мечтательен, даже есть он стал как-то без аппетита. Братья и сестры только диву давались, а один таракан, по прозвищу Бурый, говорил, усмехаясь: "Гляди-ка, Однокрылый-то мыслителем стал".

Все понимали, что виной тому был телевизор. Тараканы, которые жили в нем, были голодными тараканами. Провода, пыль, да иногда на телевизоре каким-то чудом оставался бутерброд - вот весь их скучный обед. "Хлеб наш - хлеб духовный", - говорили тараканы. И правда, что только не шло по телевизору; тараканы слушали то одно, то другое. Впрочем, мало кто понимал, о чем идет речь - громкость была просто огромная; лишь Однокрылый и несколько других тараканов приловчились разбирать за шумом слова. Тараканы садились в круг, и Однокрылый пересказывал им содержание передачи. Так вот и проходила жизнь, тихо и мирно.

Вот и сейчас, лежа на лампе, Однокрылый тихо ворковал себе под нос свои мысли и обдумывал вчерашние девяностые новости.

- Абсолютно, абсолютно все правильно. Мы и у себя построим свободное, правовое государство. И у нас будет принят кодекс по правам тараканов. Все равны перед законом, и мы, и люди - одинаковы. Да здравствует свобода!

Таракан так размечтался, что не заметил, как вокруг собрались соседи.

- Однокрылый, эй, Однокрылый, расскажи нам, милок, кино какое-нибудь.

Однокрылый иронически усмехнулся.

- Только бы вам кино слушать! Вы подумайте хоть раз о чем-то более важном.

- А чего думать? Наше дело тараканье. Нам и думать нечего, незачем. Одна беда от ума-то. Вот помнишь ли ты Одного-то? Который в Богато уверовал? Так вот пошел он на прошлой неделе в ванную, паукам проповедовать. Миссионером, то есть стал. Пауки все

ТАРАКАН

собрались вокруг него, слушают, слушают, головами кивают, улыбаются приветливо и все сидят вокруг-то и плетут. Потом ам его, и готово. А ты говоришь - ум! Наше дело тараканье!

Ты, Бурый, глупый таракан. Да и вообще, чем таракан отличается от животного? Наличием ума. Да только я не про то вовсе... У нас, конечно, гласность, свобода слова, но гражданская позицию тоже надо иметь. Тем более, что мир меняется на глазах.

- Это как он меняется?

- Слышал ли ты когда-нибудь об общечеловеческих свободах?

- Однокрылый, мы же тараканы. Та-ра-ка-ны.

- А в кодексе прав человека сказано, что все живое имеет право на жизнь. И я, и ты, и все имеют на это право. Свобода, равенство, братство. Свобода вероисповедания, свобода передвижения...

- Передвижения? Что же, нам теперь можно на кухню переехать?

Однокрылый с сожалением посмотрел на говорящего.

- На кухню, на кухню... У вас что, и мечты, что ли, получше нет? Да и что эти черные делают на кухне? Жрут, пьют, гуляют. Ни духовности, как у нас, ни свободы информации, как у нас, ни ума...

- Но съяннее жизнь-то!

- Ты не говори, чего не знаешь. Да, это правда, не может рядовой таракан позволить себе колбасу, сыр или молоко, но вчера вот по новостям премьер говорил: "Кризис позади, начинается поэтапное восстановление народного хозяйства, экономики, промышленности..."

- И мясо будет?

- Будет! Если только злые силы не повернут процесс вспять. Нужно идти по намеченному пути. Скоро такие перемены начнутся! До нас дойдет и валютный коридор, будем по нему свободно передвигаться...

- На кухню?

- И на кухню тоже, валютный же коридор.

Тараканы одобрительно закивали головами.

- А вот что там про замораживание вкладов?

- Хм! Ну... Идет-то как раз все наоборот. Вклады размораживаются. Премьер обещал. А истина что - где тепло - там таракану хорошо. Размораживание нам на руку. Холодильник

разморозят - по тому же коридору в холодильник будем ходить. Консенсус достигнут. Тут и разбираться нечего. Главное теперь - таракан свободен. Хочешь - спи, хочешь - бегай.

- Ты что, хочешь сказать, что можно даже днем ходить, при людях?

- Можно.

- А если тапочки твой?

- Какой тапочки? Ты пойми, Бурый, ты теперь член Совета Европы... Хм... Участник, то есть, Совета Европы. Тапочки получил - пиши жалобу в Гаагу.

- Куда?

- В Гаагу. Там теперь верховный суд по гражданским делам. В любом случае, смертная казнь отменена. Убить тебя той же тапочкой уже нельзя...

- Но мы же не люди, - упорно твердил Бурый.

- Кто не люди? Мы не люди? Друг мой, поступай, как учил писатель Чехов, выдавливай из себя раба, выдавливай. Должно же произойти торжество личности, торжество интеллекта!

Никто не возражал, и Однокрылый продолжил.

- Я вот о чем думаю. В последней передаче "Америка с Таратутой" было сказано, цитирую: "А может быть, готовность объединиться в какой-либо союз определяет уровень развития страны?" Так почему бы нам с кухней не объединиться? А? Бартерный обмен сделаем: их хлеб - наши микросхемы с телевизора...

Воцарилась тишина. "Странно, - подумал Однокрылый, - где же аплодисменты?" Наконец Бурый робко произнес:

- Но ведь на месяц назад к нам приходили гости с кухни. Последние крошки сожрали - и сразу домой. Удивлялись еще, как мы здесь живем. Не хотят они объединяться.

- Та-ак! Значит, вы так! Ох, и надоело мне, мужики, с вами спорить!

- Да ты, Однокрылый, не обижайся! Просто мы уже не знаем, где правда в твоих словах, а где нет.

- Да вы... Да вы... быдло! Быдло вы, а не тараканы! Кнутом вас надо, кнутом...

- Ты не слишком расходись! - от возмущения у Бурого нервно подрагивали усы. - Не слишком-то!

- Ой, Боже... Душно мне, душно. Душно с вами жить. Воздуху, воздуху мне. Простора хочу! Однокрылый слез с лампы и пополз к выходу из телевизора.

- Постой, ночь еще ведь не наступила. Светло еще. Ты нам кино расскажи пока...

Однокрылый махнул лапкой и полез дальше. Он выполз на крышку телевизора, сощурил глаза и блаженно улыбнулся.

- Красота! Свобода! Спасибо тебе, Америка, за все... Эх, как же я люблю тебя, жизнь!

- Ах, ты подлец! Ты смотри, даже днем не стыдятся вылезать. Получи, гад. На тебе...

Однокрылый шарахнулся в сторону, но было поздно. Тапочка прыжком попала ему в голову. Таракан выгнулся и шлепнулся на бок.

- Г-а-га, - успел только прохрипеть он. Второй удар расплющил его по телевизору.

ПЕРВЫЙ СОН ПАПЫ КАРЛО...

...или ОДНА ЖУТКО ЖАЛОСТИВАЯ ИСТОРИЯ О Н.В.ГОГОЛЕ, происшедшая с ним на Арбате и на Арбате сочиненная некоторыми любителями мастерства изящной словесности последнего и отредактированная Даниилом Сарданопаловым.

Шел однажды по Арбату Александр Сергеевич Пушкин, огурец жевал соленый и, отрыгивая съято, Он плевал себе под ноги и сморкался, как из пушки, В носовой платок воюющий, желтый весь от гайморита. А настрему перся Гоголь с Гоголевского бульвара, весь немытый и патлатый, носом хищно рассекая. Пушкин хватал его за патлы недалече от пивбара: "Ты же че, хохол, хипуешь? Это я не одобряю!" Как назло, Толстой шагает, в бороде опилки, стружки, жвачки, фенечки да вата из гигиенических пакетов. "Вы с енотом падлой разберитесь!" - он кричит. - Товарищ Пушкин! Я, б@\$, кровь, б@\$, проливал, едрить твою, на фронте не за это!"

Тут и Лермонтов шагает при фуражке (мент, наверно). Он вынашивает свой револьвер и огромное полено

И кричит: "Моя бы воля, я бы враз

издал законы, Чтоб таких стрелять на месте!

От лица скажу военных".

Появился тут Тургенев, только-только падла, близ

Диканьки! - Приговаривали хмуро,

продолжая избить.

А Белинский с Достоевским, как обычно, опоздали.

А народ уж разошелся, рассуждая о культуре.

А они вдвоем стояли и пинали

сапогами

Окровавленное тело

Классика литературы.

Подкатил суровый Горький,

при усах, в автомобиле: "Если враг нам не сдается, то его уничтожают!"

Набежал народ российский: Зинки, Нинки, Маньки, Ваньки,

Подключилися с оглоблями к общественному мнению:

"Вот те вечер, вот те хутор, Появился тут Тургенев, только-тогда падла, близ

Диканьки! - Приговаривали хмуро,

продолжая избить.

А Белинский с Достоевским, как обычно, опоздали.

А народ уж разошелся, рассуждая о культуре.

А они вдвоем стояли и пинали

сапогами

Окровавленное тело

Классика литературы.

Подкатил суровый Горький,

воздрадован. Мое любивное занятие хорошо отражать всемирно известное произведение "Слава - партия! Слава - Ленин! Слава - Труд!"

Мой любимый писатель

Много думать что я плохой читатель но кто так думать он думать неверно и пошло потому что я - читатель верный и славный. Потому что я читатель поданный у меня есть писатель который много и все мне любимые. Я начитан много и любил читать из знаменитых и известных писателей. О чтении писал поэз: "Читать всем любовно и забавно, все читатели великие и славные особенно социалистические и народные. Но горе настигнет ленивых капиталистических читателей потому что они не читатели народные и знают мелко всяко!" Я и весь советский народ с этим согласились. Но эти мысли которые мудрые не может сравниться с мыслями моего любимого писателя, дорогой и славный учитель, великий вождь и борец за дело рабочих и крестьян в частности, славный коммунист и основатель держав - Пушкин А.С. Он писал почти такой же славный и верный стих как наш поэт народный, который писал: "В чудесен день появился социалистический ориентация и я и все воздадались". Пушкин писал почти то же: "Я помню чудное мгновенье передо мной явилась ты". Он хорошо еще писал про мужика который страдает в капиталистически обществе и сравнивает его с лошадкой, который в холодный зима мучится от буржуазной эксплуатации и хвороста то есть это стихи начинаются так: "Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел и был сильный мороз!" Это просто был гениальный писатель. Но мой самый великий писатель который любовный всем в мире и мне больше Пушкина он есть - Великий Ленин В.И. Он - славный гений литературы, великий мудрец и умник, любовный коммунист и основатель, теплый и мягкий и нежный мужик человек и сладкий педагог! Я его уважил и дивился над гениальным труд этого писателя. Я читал много книг его. Они все очень интересны и увлекательны там много приключений и мудрых мыслей и великий герой! И я согласен что Ленин - Партя! и мне гордо за это. Ленин писал много раз "Учика, учика, учика" и я выполнил и тоже горжусь. Он великий потому что построил прельстивый советский общества и воздадился до плеши. За это его все уважили и строят мавзолей! Мой любимый писатель Ленин В.И. мне нравится и любивший ко мне промозгло. Я - горден!

Прогулка по садам изящной словесности

Vitus

Сочинения нашего китайского друга вызвали живой интерес у обладателей великого и могучего русского языка. Большинство ознакомившихся с творчеством Ли Вонг Яна стали любовни и мягки. Чтобы и дальше возрадоваться, мы решили опубликовать еще четыре шедевра студента им. Патриса Лумумбы. Надеемся, что вы получите массу удовольствия от работ талантливого пекинского парня и возгордитесь любовным писателем.

С другом по магазинам (домашнее изложение)

Когда мы с другом шли в городе то было тепло и сухо и прельстиво. Мышли в наш любивый магазин. Он хороший потому что там часто можно иметь многих. Это очень удобное место для покупления. Особенно продукты там вкусны и мягки. Из продукта можно насладиться и иметь очень вкусны и привкуса пища и сидеть ублюдом и радоваться что можно насладиться и переварить в желудке всю еду и любоваться тем что не болит кишечки и другой член. Сначала мы взошли в писаный магазин. Там мы увидели прельстивый забор и об него насладились. Купили забор и вышли смело и сладко на задвижки из лейково пластыря и купились тоже, вонзив гордый взгляд в товар. Иметь товар было наслажденева у нас. Когда пришли в наш любовный магазин то встретили много друзей и сладкого педигриго из института. Все будизировались. В магазине мы имели один бутыл